

Олег Олегович, вы были одним из участников книжной ярмарки во Франкфурте-на-Майне. Расскажите, пожалуйста, о своих впечатлениях.

- Если честно, ярмарка организовывалась чиновниками. И чиновничий дух чувствовался во всем. Половина мероприятий была бесполезна, как и сама форма участия России в ярмарке. Было ощущение, что все эти стенды служили не более чем декорациями для бесконечных круглых столов. А сами книги, ради которых люди и приходили на ярмарку, оставались в стороне.

Многие издательства привезли во Франкфурт свои книги. Но я узнал об этом лишь после того, как прошелся по стендам. Ни показать, ни рассказать о книгах читателям я не мог. В таком же положении оказались и издательства - они ведь должны представлять себя авторами, книгами. Вот почему стенды напоминали безымянные могилы.

Авторские презентации были, если не ошибаюсь, лишь у Радзинского и Ерофеева. Остальные авторы бродили по выставке безликой толпой. В выигрыше оказались те, кого представляли немецкие издатели: Сорокин, Донцова, Толстая...

Как вы оцениваете отношение немцев к российской литературе?

- Они нас не понимают, а их вежливость идет от культуры, воспитанности. Они издают то, что хотят, а не то, что сегодня является знакомым для нас, нашей культуры.

Если раньше мы говорили о тлетворном влиянии Запада, то теперь уже они так говорят о России. Мы нередко привозим на их рынок то, чем они уже переболели. Для них главное место занимают семейные, государственные ценности, религия, мы же везем им книги, наполненные анархией, сексом, насилием. Им самим-то неприлично такое печатать, а когда русские в таком виде себя показывают - немцам интересно, они делают на этом бизнес.

Сегодня многие, если не большинство пишущих в России, вынуждены выбирать между так называемыми литературными проектами и сочетанием писательского труда с каким-то дополнительным заработком.

- Сегодня прожить писательским трудом невозможно. Я, например, вынужден был работать, чтобы кормить семью. Только получив премию, какое-то время мог посвятить себя литературе.

Что сейчас происходит? Большая часть отечественной литературы стала частью индустрии развлечения. И она вытесняет настоящую художественную литературу из книжных магазинов, с развалов, из библиотек... Доходит до того, что серьезные книги на рынок не пускают. Так было с моей книгой «Повести последних дней». Я получил Букеровскую премию, стал автором романа года. Было огромное внимание прессы, критики... А книгу на рынок не пустили!

У меня тогда были поездки по России, я побывал в пятнадцати городах. И что удивительно, в большинстве книжных магазинов один и тот же набор развлекательного чтива. Там не заинтересованы продавать русскую литературу. Им выгодно, чтобы книги стоили дорого, а нас просто не пускают к читателям. Происходит депрофессионализация литературы.

Угасание читательского интереса к серьезной литературе - все же факт очевидный. Чем иначе объяснить огромную разницу между тиражами развлекательного чтива и книг, которые продолжают традиции проблемной прозы?

- Но читатели-то - разные! Когда говорят о читателе, то почему-то имеют в виду как раз потребителя чтива. На самом деле люди, которые читают Библию, тоже читатели. И я не сказал бы, что их меньше. Они ищут ответы на духовные вопросы. Таких людей просто вытеснили из книжных магазинов. Им там делать нечего. Они покупают необходимые книги в церковных лавках.

Соревноваться с чтивом невозможно. Почему у него тиражи огромные? Люди хотят развлекаться.

Олег ПАВЛОВ:

СКАЗАТЬ ПРАВДУ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Олег Павлов известен читателям как автор книг «Казенная сказка», «Степная книга», «Повести последних дней». Лауреат премий журналов «Новый мир» и «Октябрь». За роман «Карагандинские девятины» в 2002 году он удостоен Букеровской премии.

А желание развлекаться приходит на место пустоты. Отчасти сказывается пропаганда нового образа жизни. Побеждает эгоистическое сознание: я, для меня, мне... У духовной, христианской литературы совсем другой посыл: возлюби ближнего своего, как самого себя. То есть приблизь человека к себе, потом попытайся его полюбить. Великая литература осознала, что жизнь не ограничивается рамками усадьбы, интересами дворянской семьи. Она бесконечно шире, многообразнее, богаче.

Сейчас очень многие люди устроили свою жизнь в узких рамках комфорта мира. Они просто не хотят знать, что происходит за его пределами. Не желают задумываться, за кого-то страдать, пусть даже абстрактно. Это признаки вырождения. На такой почве могут утверждаться только безразличие, равнодушие.

Считаете ли вы, что писательский труд обязывает защищать нравственные ценности? Нужно ли воспитывать читателя?

- Воспитатель - это жизнь. А человек понимает себя в конфликте. Литература моделирует такой конфликт. Она для читателя как зеркало. Попадая в рамки какого-то конфликта, драмы, читатель делает оценки, размышляет над ними, познает самого себя. На мой взгляд, именно так книги воспитывают. Не сводом правил и постулатов, а позволяя сделать читателю нравственный выбор.

Ваши произведения, насыщенные размышлениями о месте современника в истории, заставляющие задумываться над вечными вопросами русской литературы, порой слишком пессимистичны...

- Каждый человек дает оценку времени, в котором живет. Один может считать, что он живет в «золотом веке», другой - в интересный период... Я считаю, что живу в трагическое время. И моя литература несет это ощущение.

Почему трагическое? Во-первых, безмерное одиночество людей. Беззащитность человека, отсутствие у него опоры в самом себе. Жестокий, беспощадный Молох нашей истории. Но главное - отсутствие любви к человеку, ближнему. У нас эта любовь

подается как пирожное, что-то вроде десерта. Все друг друга любят... Зайдите на ночную дискотеку - там, казалось бы, море любви, веселья и счастья. Но это суррогат, полслова любовь. Если кто-то упадет, случится с кем-то несчастье - будет в лучшем случае любопытство. А так - никакого сострадания, безразличие, равнодушие.

Что-то с нами произошло? Главное - ни все вместе, ни по отдельности мы не знаем, зачем живем. Мы строим какое-то новое общество, а у нас уже миллион бездомных детей. И это абсурд, которому нет объяснения. Его можно понимать или не понимать, но это пушкинский «пир во время чумы».

Кажется, что есть цивилизация, жизнь стала гораздо комфортнее, у людей появилось больше возможностей для самореализации, профессионального роста, зарабатывания денег... Но ощущение одиночества человека, бессмысленности такой жизни для меня - самое сильное чувство.

В рамках традиций русской литературы существует сегодня такое понятие, как долг писателя?

- За писателем в России всегда стояли какие-то серьезные обязательства. Он видел жизнь широко открытыми глазами и должен был, обязан был понять происходящее. Сказать обществу правду любой ценой. Даже если грозят лагерь, эшафот, гонения... Но правду писатель должен был сказать. В этом его долг.

В России жизнь к человеку всегда была очень жестока. И если бы литература не обращала внимание на тех, кто в бараке, казарме, деревне, то какие-то силы получили бы моральное право на уничтожение этих людей. Не всегда удается что-то сделать. В 70-х годах писали о русской деревне, чтобы спасти, защитить, но она все равно погибала. Однако долг свой писатели выполнили.

Русская литература всегда обращала внимание на мрачные стороны жизни. Она всегда отзывалась на боль и постоянно жила предчувствием революции.

У нас произошла революция. Пусть бархатная, в какой-то степени бескровная, но революция... А где же литература, имена, кото-

рых на слуху, произведения, о которых бы все говорили?

- Есть отдельные писатели. Разные по своему масштабу, но самобытные и влиятельные - Солженицын, Зиновьев... Можно вспомнить Лимонова или Проханова.

Но это все люди иного поколения, сформировавшиеся даже не вчера, а позавчера... Новых, равнозначных упомянутым писателям не появилось.

- Согласен, новых не появилось. Но, мое глубокое впечатление, их просто уже не пустили в литературу. Вспомните: если бы не было Твардовского и «Нового мира», не состоялось бы русской прозы 70-х годов. Случайность, что он пришел в этот журнал. Ни в «Знамени», ни в «Октябре» ничего подобного печатать было нельзя. Сейчас нет даже щелки, чтобы появились новые имена. А в 60-х из разных концов России вдруг пришли Залыгин из Сибири, Шукшин с Алтая, Абрамов и Белов из Вологды, Солоухин, Можав... Пришли в одно и то же время, словно их Земля послала. Сегодня их просто не пустили бы. Я сам человек «литературный», много читаю и отчетливо это вижу.

Даже на уровне книгоиздания подобное происходит. Если принести книгу в издательство, она не пройдет, ее не возьмут печатать.

Издатели объясняют это просто: работать себе в убыток мы не будем. Такие книги не пользуются читательским спросом.

- Миф! Чтобы книга продавалась, нужно выкладывать ее на прилавки. Если говорят, что ваших книг продается 10 экземпляров за месяц, этому верить нельзя. Мы же говорим не о какой-нибудь лавчонке, а о России, где книжных магазинов 10 тысяч. И если в каждом хотя бы по 10 книг продается, тогда и будет реальная картина.

Другое дело, что никто к этому не стремится. Разрушена система книгораспространения. Вместо нее выстроилось несколько оптовых монополий. Они полностью зависят от денежных вливаний крупных книгоиздательств. А их владельцам невыгодно торговать серьезной литературой. Они хотят продавать свое, легко и без хлопот прокрутить деньги на

чтиве. Может быть, в России в конце концов выстроится альтернативная система распространения и даст выход другой литературе.

Но скорее всего нас загонят в андеграунд. Ощущение гонимости писателей станет очевидным. И тогда появится внимание к слову писателя, вернется их востребованность.

Вы только подумайте, сколько в книгоиздательствах людей случайных, имеющих самое отдаленное отношение к культуре! Им совершенно все равно, на чем делать деньги. И к книгам они относятся, как к торговле любым другим продуктом. Главное - доход.

Владелец крупнейшего книжного издательства, который вчера занимался распространением каких-то гороскопов, сегодня является монополистом, от которого фактически зависит судьба русской литературы. А кто он такой, что за человек, чем живет? Мы о нем ничего не знаем, кроме того, что он ездит на бронированном «мерседесе» с охраной.

Бывало в русской истории и по-другому. Когда приходили Сытин, Третьяков... Они начинали делать что-то для людей. Я недавно был в одной деревеньке на Алтае. Люди живут, выживают... Председатель колхоза при том, что жизнь очень скудная, потратил огромные, по местным меркам, деньги на библиотеку. Ведь можно заасфальтировать улицу, чтобы начальство достойно встречать. Или телятник построить... А он все вложил в библиотеку. Когда я спросил, почему он так поступил, председатель ответил: «Я потратил деньги на главное. Я сделал это для всех». И туда действительно ходят люди, библиотека стала центром деревни, объединяет и возвышает людей. Это к вопросу интереса к книгам и отношения людей к своему делу.

- И все же бездуховность не может не тревожить...

- Опасность я вижу в другом. Советская Россия была достаточно консервативной страной. И так быстро разрушить патриархальное общество без последствий нельзя. Пойдет серьезная отдача, негативная отдача. Во-первых, распад семьи. Он ощущается все сильнее. Во-вторых, будет появляться националистская ортодоксия - как результат униженности, подавленности. Такие проявления встречаются все чаще. Эти два явления - как порох и искра...

Люди, которые руководят нашим государством и обладают полной информацией (мы не знаем львиной доли фактов), понимают всю сложную ситуацию. И осознают, что нести правду в общество сейчас просто опасно. Как если бы человеку, который тяжело болен, сказать о неизлечимости его болезни. Он может от отчаяния застрелиться, выпрыгнуть из окна и так далее. Возможно, кто-то рассчитывает на авось или на чудо. Но думаю, что времени осталось мало. Мы живем в сложном мире, во всяком случае не таком простом, как нам объяснили: мол, все друг друга любят и готовы протянуть руку помощи.

- Чтобы не заканчивать на грустной ноте, расскажите о своих писательских планах. Что ждет читателей?

- Только что вышла моя новая книга «Русский человек в XX веке». Это не проза в чистом виде. Я бы назвал ее писательской прозой. Книга о современной России.

Кстати, когда я сам захотел на эту тему что-нибудь прочесть, то не смог ничего найти. Интересный момент: о России, о том, что в ней реально происходит, о ее современной жизни ничего не печатается. Самые раскупаемые авторы те, кто ничего не пишет о России: Сорокин, Пелевин, Акунин, Толстая... Ничего реального.

Моя последняя книга - размышления о событиях прошедшего десятилетия, осмысление накопленного жизненного опыта. Я хотел показать русского человека в ушедшем веке. Над чем работать дальше? Пока не могу понять. Когда я писал трилогию, то чувствовал сопротивление, знал, что хочу сказать. А сейчас этого чувства нет. Может быть, не я должен написать о том, что происходит в наши дни, а кто-то другой. Поживем - увидим. Даст Бог, что-то будет...

Беседу вел
Николай МОДЕСТОВ